

Валерий ШАРАПОВ

Холодное ЗОЛОТО

Их увлечение
было тайным.
Явной стала их
гибель...

Советская милиция. Эпоха порядка

Валерий Шарапов

Холодное золото

«ЭКСМО»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шарапов В. Г.

Холодное золото / В. Г. Шарапов — «Эксмо», — (Советская милиция. Эпоха порядка)

ISBN 978-5-04-196664-5

Романы о настоящих героях своей эпохи — сотрудниках советской милиции, людях, для которых служебный подвиг — обыденное дело. 1972 год. Москву всколыхнула серия жестоких убийств работников искусства: знаменитой певицы, известного дирижера и популярного артиста. У каждой из жертв грабители похитили уникальные коллекции — драгоценности, редкие книги, монеты... Следствие поручено капитану МУРа Ивану Егорову. Он сразу же выделяет схожие черты всех трех преступлений. Все убитые — деятели культуры, все убиты в своих квартирах одним и тем же способом: жертвам сломали шейные позвонки. А вскоре Егоров выясняет, что было у этих людей и общее увлечение, ставшее для них роковым... Сыщик без промедления решает использовать шанс задержать опасного убийцу... Это было совсем недавно. Когда честь и беззаветная преданность опасной профессии были главными и обязательными качествами советских милиционеров...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-196664-5

© Шарапов В. Г.
© Эксмо

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Валерий Шарапов

Холодное золото

© Шарапов В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Глава 1

Виолетта Игоревна Леонидова отодвинула занавеску и выглянула на улицу. Какая сырая, промозглая погода! Какой ветер! Он раскачивает ветви лип и каштанов, срывает пожухлые листья, швыряет их на мостовую. Ветер такой сильный, что раскачивает даже фонарь на углу, напротив дома, где живет знаменитая певица, восходящая звезда советской сцены Виолетта Леонидова, и телефонная будка на углу то оказывается на свету, то погружается во тьму. Темно на улице, сыро, зябко! И какой это образует контраст с ее внутренним миром! У нее в душе, наоборот, сияет свет и поют скрипки. Даже не скрипки – фанфары! Ведь весь сегодняшний день складывался так удачно. С утра (хотя было почти 12 часов, но для Виолетты Игоревны это утро – она поздно встает, такая творческая натура) удалось договориться с этим милым старичком, владельцем ожерелья, о встрече. А ведь этот Петр Петрович долго темнил, не соглашался говорить о деле, все твердил, что не расстанется с этой вещью ни за что на свете. А вот теперь наконец согласился. И после завтрака, где-то часа в три, она поехала к нему в Сокольники. Как только люди соглашаются жить в такой глуши, в таких жутких условиях! Она бы ни за что не смогла жить в таком грязном подъезде, каждый день ездить на этом ужасном лифте.

Но это все чепуха, в конце концов, потому что встреча завершилась успешно, старичок Петр Петрович согласился на ее условия. А поскольку она предусмотрительно взяла деньги с собой, то они тотчас и совершили сделку. И домой она ехала уже с ожерельем. А вечером, спеша на выступление в театр, его надела. Ее новое украшение было замечено, оно даже произвело фурор. И это вполне естественно! Ведь настоящие фамильные бриллианты не так часто можно увидеть в наши дни. Как на нее смотрели эти две завидующие дуры, Знаменская и Досталь! В их глазах можно было увидеть настоящую зависть, которую ничем нельзя было скрыть. А вот режиссер Георгий Аполлонович, наоборот, смотрел с восторгом, даже с обожанием, и это было очень приятно. Она даже подумала, что напрасно держит Георгия Аполлоновича на отдалении, не принимает его знаков внимания. Ведь он такой милый, такой внимательный!

А затем был сам спектакль. Она практически всегда выступает успешно, всегда после первого отделения бывает шквал аплодисментов, а в финале – просто овация. Но сегодня зрители превзошли сами себя! Как они аплодировали! Ее вызывали восемь раз! Как после такого успеха можно находиться в унылом настроении? Никак невозможно. Ну, и в довершение этого блестящего дня еще и сеанс с новым мастером тоже оставил приятные впечатления. В общем, день удался.

Виолетта Игоревна отошла от окна и направилась в ванную. Пожалуй, хватит на сегодня всякой активности, хватит впечатлений, пора готовиться ко сну. Принимать ванну она сегодня, пожалуй, не будет – слишком устала. Примет душ – и в постельку. Да, одна, и это хорошо, потому что в любовных связях следует быть разборчивой. Она уже не девочка, чтобы жить одними лишь чувствами. Да, душ – и спать.

Она уже пустила воду, пока тоненькой струйкой, уже сняла спортивный костюм (который, кстати, ее очень молодил!), оставшись в одном белье, когда ей внезапно почудился донесшийся из глубины квартиры слабый звук. Это было странно. Ни кошки, ни собаки у нее нет, шуметь некому. Может быть, порывом ветра открыло форточку? Тогда надо пойти, закрыть, а то дождь будет хлестать в окно, намочит дорогой ковер (настоящий персидский!).

Певица Леонидова вышла из ванной, заглянула в гостиную. Никого. Нет, шум доносился из спальни. Из спальни! Вот теперь она по-настоящему встревожилась. Ведь там, в спальне, в глубине шкафа она хранила самое дорогое, что у нее было. Виолетта Игоревна вошла в спальню, огляделась...

Она хотела оглядеться, хотела убедиться, что все в порядке, что ей ничто не угрожает. Но у нее это не получилось. Чьи-то сильные, словно стальные руки схватили ее сзади за шею. «Ожерелье! – мелькнула мысль. – Он хочет забрать мое ожерелье! Нет, не отдам!» Она хотела крикнуть «Нет!», но из горла вырвался лишь слабый хрип. Правая рука неизвестного резко наклонила голову жертвы вперед, хрустнули, ломаясь, шейные позвонки, и тело Виолетты Игоревны мягко упало на дорогой персидский ковер.

– Значит, ты осмотрел место происшествия? – спросил полковник Волков своего подчиненного.

– Да, Семен Егорович, вот только что вернулся из квартиры Леонидовой, – ответил капитан Егоров.

– Хорошо, тогда докладывай, а я послушаю, – сказал полковник. – Послушаю, что ты там заметил, чего не заметил. А потом скажу тебе еще кое-что.

Капитана Ивана Егорова такие слова начальника убойного отдела, конечно, заинтриговали. Но спрашивать начальника, что он хочет сказать, было не положено, и капитан раскрыл свой блокнот и начал докладывать:

– Тело певицы Большого театра Виолетты Игоревны Леонидовой было обнаружено в ее спальне, возле двери. Первой тело хозяйки обнаружила домработница Людмила Петрова. Это произошло сегодня в час дня.

– А почему домработница пришла на уборку так поздно? – спросил Волков.

– Как объяснила Петрова, ее хозяйка всегда поздно встает... то есть вставала, не раньше полудня. Вот Петрова и приходила к часу. Обычно в это время Леонидова заканчивала завтракать и отправлялась по делам, а домработница приступала к уборке.

– Хорошо, этот момент я понял, продолжай, – сказал полковник.

– Значит, Петрова обнаружила тело хозяйки и сразу вызвала милицию. Звонила она с домашнего телефона Леонидовой. По звонку сначала на место происшествия прибыл участковый данного участка Никита Донских. И он уже позвонил вам, а вы...

– Про меня можешь не рассказывать, что я делал, – усмехнулся начальник убойного отдела. – Ты о своем говори.

– Да, это я... Хорошо, продолжаю. На место я прибыл в два часа пятьдесят три минуты. Со мной прибыла бригада криминалистов. Меня прежде всего интересовало время смерти певицы. Врач Евгений Терентьевич сказал, что точное время смерти сможет сказать только после вскрытия. Но дал предварительное заключение, что женщина была мертва уже давно, по крайней мере с ночи... Самое интересное касается входной двери. Домработница показала, что хозяйка боялась воров и всегда закрывалась на два замка – английский, который защелкивался при любом закрытии двери, и обычный дверной, закрывающийся на два оборота. Петрова утверждает, что Леонидова всегда закрывала замок на два оборота. А сегодня, открывая дверь, она отметила, что та была заперта только на английский замок. Нижний замок не был заперт, хотя ключ торчал в замке. Осмотрев оба замка, наш криминалист сделал заключение, что следов взлома или использования отмычки нет.

– Интересно, – заметил полковник Волков. – И какой вывод ты из этого делаешь?

– Мне кажется, – сказал Егоров, – Леонидова сама открыла дверь убийце. Либо у него был свой ключ. И в том, и в другом случае убийца – человек, не посторонний для убитой, она его знала.

– Ну, убийца мог заранее сделать дубликат... – заметил полковник.

– Да, но обычно в замке после этого остаются следы воска или другого вещества, которое используется для изготовления слепка, – ответил капитан. – В данном случае этого нет. И потом, как убийца мог открыть дверь дубликатом, если ключ торчал в замке? Иду далее. Я тщательно осмотрел всю квартиру. В буфете, в ящиках, обнаружил столовое серебро и дорогую посуду. В гостиной на столе стояла сумочка Леонидовой. В ней я обнаружил кошелек, а в

нем – свыше трехсот рублей. Кроме того, в квартире много ценных вещей – ковры, мебель, две картины известных советских художников. Ничего из этого не взято. Из этого мы должны заключить, что целью убийства было не ограбление, у убийцы был какой-то другой мотив...

– А как она была убита? – прервал капитана начальник отдела.

– Я разве не сказал? – удивился капитан Егоров. Он даже крикнул от смущения – забыл изложить такой важный факт. – Виноват, товарищ полковник. Певица была убита путем слома шейных позвонков. Убийца схватил женщину сзади и резко наклонил ее голову вперед. Она умерла мгновенно. Тут надо еще заметить, что Леонидова, как видно, собиралась принять ванну или душ – в ванной лилась вода, а на ней было только белье. В ванной осталась остальная одежда – спортивный костюм и майка.

– Спортивный костюм? – удивился полковник. – Она что, спортом занималась?

– Я еще не проводил опрос знакомых погибшей, – извиняющимся тоном ответил капитан. – Но, если судить по телосложению Леонидовой – да, она уделяла внимание своей физической форме, хотела сохранить фигуру.

– Хорошо, давай дальше, – сказал Волков. – Что еще примечательного заметил?

– Да в общем-то ничего, – ответил капитан. – Только одна деталь. Я успел поговорить с соседями Леонидовой по лестничной площадке, и одна из женщин вспомнила, что поздно вечером, когда она уже ложилась и подошла к входной двери своей квартиры – проверить, закрыта она или нет, – она явственно услышала, как напротив, то есть у Леонидовой, стукнула входная дверь.

– Но выглядывать на площадку соседка не стала? – уточнил Волков.

– Нет, не стала, – подтвердил капитан.

– И какой ты из этого делаешь вывод?

– Что от певицы в это время кто-то ушел. Либо она сама только в это время вернулась домой и закрыла за собой дверь.

– Возможно, возможно... И какие будут твои дальнейшие действия?

– В первую очередь я собираюсь еще раз, уже более детально, осмотреть квартиру Леонидовой, – сказал капитан. – Возможно, из квартиры все же что-то пропало. И это даст нам возможность понять, из-за чего была убита Леонидова. Затем я хочу опросить всех коллег певицы, всех, кто так или иначе соприкасался с ней по работе. Ведь Леонидова не была замужем. Возможно, у нее были какие-то связи, какие-то любовные отношения. И конечно, я продолжу опрос жильцов подъезда, в котором находится квартира певицы. Поговорю со всеми жильцами, от первого до двенадцатого этажа.

– Я бы еще советовал обратить внимание на ее занятия спортом, – сказал полковник. – Это важно, и знаешь почему?

– Из-за способа убийства? – предположил Егоров.

– Вот именно! Чтобы сломать человеку шею одним движением, надо обладать большой физической силой и определенным знанием анатомии. И то и другое встречается среди спортсменов. Так, теперь у тебя все?

– Да, теперь все, – подтвердил капитан, закрывая блокнот.

Волков проследил за этим его движением и сказал, усмехнувшись:

– А вот книжечку ты закрываешь зря. Тебе будет что еще туда записать. Теперь настала моя очередь тебе рассказывать, а твоя – слушать и делать выводы.

Егоров открыл блокнот и достал авторучку. Он знал, что многие его коллеги уже перешли на входившие в моду шариковые ручки, не требовавшие заправки. Однако Егоров оставался верен своей ручке с пером.

Между тем Волков встал из-за стола и начал прохаживаться по кабинету. Так он делал, когда ему нужно было обдумать какой-то важный и непростой вопрос.

– Итак, сегодня, шестнадцатого октября, мы обнаружили тело известной певицы Виолетты Леонидовой, которая была убита накануне, пятнадцатого, – заговорил он. – И это, конечно, печальный факт. Однако еще более печальным является то обстоятельство, что убит не первый из известных деятелей в городе Москве. А уже третий!

Полковник сделал паузу. Но капитан не задал никакого вопроса – он продолжал внимательно слушать.

– Первым стало убийство дирижера Большого симфонического оркестра Аркадия Юрьевича Воскресенского, – продолжил Волков. – Оно произошло четыре месяца назад, в начале июня. И до сих пор остается нераскрытым. Это большой провал для нашего отдела! Я бросил на раскрытие этого преступления лучших людей, не пожалел сил, но найти убийцу до сих пор не удалось. Но мало этого: пока мы искали убийцу Воскресенского, в августе произошло еще одно убийство. На этот раз жертвой убийцы стал известный артист театра и кино Борис Никитович Воловик.

– Почему-то я никогда не слышал о таком артисте, – заметил капитан.

– Потому что на сцене и в кино он выступал под псевдонимом Соколов, – сказал Волков. – Под этим именем его знают миллионы людей, причем не только в нашей стране, но и за рубежом. Ну, и у нас в деле он фигурирует под этой фамилией.

– Вот оно что! – не сдержавшись, воскликнул Егоров. – Значит, Борис Соколов убит! Я столько фильмов с его участием видел... Простите, товарищ полковник, я вас прервал...

– Итак, за лето были убиты два известных деятеля культуры, – продолжал Волков. – И вот теперь третья смерть. Что же объединяет эти преступления? Прежде всего, все трое были убиты у себя дома. И пока я тебя слушал, я отмечал и остальные характерные моменты, которые относились к первым двум эпизодам. Например, отсутствие следов взлома. Преступник входил в квартиры своих жертв, будто к себе домой. Словно хозяева сами открывали ему двери! Затем – способ совершения убийства. И у Воскресенского, и у Соколова были сломаны шейные позвонки. А ведь такой способ убийства встречается довольно редко. Ну, и, наконец, было еще одно обстоятельство, которое объединяет эти преступления с убийством Леонидовой. При первом, поверхностном осмотре наши сотрудники не обнаружили следов ограбления. Поэтому вначале следствие терялось в догадках, какой же мотив преступления. И только потом, при более внимательном осмотре, когда были опрошены близкие и друзья убитых, стало известно, что ограбление все же было...

– Убийца брал что-то крайне ценное и редкое, правда, товарищ полковник? – не выдержал и задал вопрос капитан Егоров.

– Угадал, капитан, – кивнул Волков. – Выяснилось, что и дирижер, и артист были страстными коллекционерами, только в разных областях. Воскресенский был нумизматом. За тридцать с лишним лет он сумел собрать уникальную коллекцию монет, в которой встречались даже монеты Древнего Рима! И эта коллекция после убийства пропала. Я навел справки, и знатоки сказали, что примерная стоимость коллекции дирижера составляет от четырехсот тысяч до полумиллиона рублей. А Борис Соколов собирал редкие книги. И у него составилось ценное собрание, которое включало очень редкие издания.

– Неужели все книги тоже унесли? – спросил капитан. – Но ведь это, наверно, большой груз, в чемодане не вынесешь...

– Грабители забрали не все книги, – объяснил Волков. – Они взяли только самое ценное – настоящие раритеты. Так, у артиста имелось прижизненное издание стихов Пушкина, Батюшкова. Были и более редкие вещи – например, сонеты Шекспира издания семнадцатого века. Всего грабитель унес двадцать четыре книги, но самые дорогие. Вот, капитан, по этим признакам я и объединил все эти дела в одно. И теперь хочу поручить это дело тебе. Какие-то подробности предыдущих двух дел я тебе сейчас сообщил, а за остальными сведениями обратись к своим коллегам, капитану Храпченко и майору Пчелинцеву – сначала эти два дела

были поручены им. Имей в виду: руководство придает этому расследованию очень большое значение!

Тут полковник остановился и показал пальцем вверх, чтобы подчеркнуть значение слова «руководство».

– К нашей стране сейчас приковано повышенное внимание во всем мире, – продолжал Волков. – Люди доброй воли с надеждой следят за нашими успехами в освоении космоса, в других областях. А буржуазная пресса не прощает нам ошибок и готова из мухи раздуть слона. Хорошо, что все эти акулы пера не знают об этих убийствах. Представляешь, какой шум они бы подняли? Кричали бы, что советская милиция четыре месяца не может найти убийц. Ты должен их найти, Иван! Все прочие дела, которые у тебя есть, передай Копылову и Яшкину. А сам целиком сосредоточься на деле об ограблениях коллекционеров. Оно должно быть раскрыто! Преступник должен понести наказание!

– Я добьюсь этого, Семен Егорович! – твердо пообещал капитан.

Глава 2

Из кабинета Волкова капитан Егоров поднялся в кабинет своего отдела. Там он вынул из сейфа дела, которые вел – их насчитывалось четыре штуки, – и отдал их своим коллегам. Леша Копылов принял дополнительную нагрузку безропотно, а ершистый Яшкин попробовал сопротивляться. Однако, когда Егоров сослался на указание начальника отдела, и он замолчал.

После этого капитан сел за свой стол, открыл блокнот и задумался. Надо было сосредоточиться, составить план расследования – хотя бы на самое ближайшее время. Прежде всего нужно было решить, что делать прямо сейчас. Может быть, следует вернуться на Волхонку, в квартиру певицы? Ведь он провел только поверхностный осмотр. Где-то там, в квартире, скрыта тайна преступления, там ее и можно найти. «Но что именно ты будешь искать? – спросил Егоров самого себя. – Ты ведь не знаешь, что собирала Леонидова, и собирала ли она вообще что-то. Нет, надо подойти с другого конца. Надо поговорить с людьми, которые хорошо знали певицу, ее привычки, ее наклонности...»

И капитан принял решение. Он взял блокнот и поехал в Большой театр.

В театре он не стал идти по официальному пути – не стал искать кабинет директора, представляться ему, а затем вызывать в кабинет людей, на которых директор укажет. Нет, капитан Егоров решил идти, так сказать, снизу. Он решил воспользоваться тем, что сейчас был в гражданке. Он только один раз использовал свое служебное удостоверение – показал его вахтерше на входе. А заодно осведомился у этой пожилой женщины, где в театре находится буфет. Вахтерша удивилась такому интересу, но путь указала. И капитан Егоров прямоком направился в буфет.

Здесь он взял себе стакан чая, пару бутербродов и сел за столик в самом центре зала. Егорову не требовалось уединение – наоборот, он искал общения, хотел слышать чужие разговоры и по возможности в них включиться.

Такая возможность ему вскоре представилась. За соседний столик села группа артистов. Главной в этой группе, несомненно, была дама, что называется, в возрасте – ей было явно за пятьдесят. Дама была одета необычно: на ней было платье из далекого прошлого (Егорову вспомнилось слово «кринолин»), а на голове было что-то вроде короны. Как видно, дама только что участвовала в спектакле, но пока что была свободна до нового выхода на сцену и решила воспользоваться этой возможностью, чтобы посетить буфет. Рядом с дамой за столик сел мужчина весьма солидного вида. Ему тоже было за пятьдесят, на нем был хороший костюм, галстук-бабочка и белоснежная сорочка. Третьей в компании была миловидная молодая женщина.

Каждый из этих троих принес с собой поднос, уставленный тарелками; как видно, театральные люди собирались основательно перекусить. Составив все свои тарелки на столик, трое уселись и тут же завели разговор. Говорили они негромко, но Егоров сидел рядом, к тому же он обладал хорошим слухом, так что слышал практически весь разговор.

– Какой кошмар, какой ужас! – говорил солидный мужчина (Егорову почему-то все время хотелось назвать его «господин»), поедая антрекот. – И какая потеря для театра, для всей нашей сцены! Даже для мировой сцены, я бы сказал!

– Не надо преувеличивать, Георгий, – заметила на это «королева». – Виола была, несомненно, человек талантливый, но ее крайне переоценивали. Крайне! Мне ее, несомненно, очень жаль, но должна заметить, что она сама накликала свою смерть. Это надо же было такое придумать: явиться на спектакль, надев это ожерелье! Драгоценности видели все, буквально все, кто был в этот день на спектакле.

– И что, вы думаете, что это сделал кто-то из зрителей? – спросила молодая женщина.

– А почему бы и нет? – «Королева» пожала плечами. – Не надо считать всех наших зрителей ангелами. Любовь к музыке не гарантирует высоких моральных качеств. Даже напротив:

среди страстных поклонников оперы были известные негодяи. В свое время оперу и вообще музыку очень ценили представители рода Медичи. А там были сплошные убийцы, отравители.

– Да, я согласен: Виолетте не следовало приходить в этом ожерелье на спектакль, – сказал «господин». – Но в то же время я ее понимаю. Ведь эти бриллианты так ей шли! Такой блеск! Он как бы отражался на ней самой...

– Да, я заметила, Георгий, как ты смотрел на нее влюбленными глазами, – сказала «королева». – Кажется, ты даже решил подъехать к ней после спектакля.

– Меня иногда просто корбит от твоих оценок, – сухо заметил «господин». – Всякое желание говорить с тобой откровенно, делиться чем-то важным отпадает.

И, сказав это, человек с галстуком-бабочкой приготовился встать из-за стола. Но это совершенно не устраивало капитана Егорова. И он развернулся к артистам и произнес:

– Прошу прощения, что я вмешиваюсь в ваш разговор, но для меня крайне важны некоторые моменты...

– А вы, собственно, кто такой? – надменным тоном произнесла «королева». – Что-то я вас в театре раньше не видела...

– Вы и не могли меня увидеть, – отвечал Егоров. – Потому что я в театре не работаю. Я работаю в другом месте. А именно в Московском уголовном розыске, в отделе по расследованию особо тяжких преступлений.

И тут он, второй раз за последний час, достал свое служебное удостоверение. Оно произвело нужное впечатление. Артисты переглянулись, и человек, которого Егоров окрестил «господином», сказал:

– Так что вас интересует, товарищ капитан?

– Прежде всего мне хотелось бы с вами познакомиться, – сказал оперативник. – Иначе неудобно разговаривать. Вот вас, простите, как зовут?

– Меня зовут Георгий Аполлонович, фамилия моя Поздняков, – с достоинством произнес человек в галстук-бабочке. – Здесь, в театре, я работаю режиссером, ставлю в основном оперные спектакли. Вот сейчас идет «Тоска», которую я срежиссировал и поставил, а завтра будет идти «Кармен».

– А я Екатерина Игнатьевна Знаменская, – с еще большим достоинством произнесла та, кого Егоров мысленно окрестил «королевой». – Я певица, меццо-сопрано.

– Ну, а я всего-навсего скрипачка, – представилась третья собеседница. – И зовут меня Алла, Алла Новицкая.

– Очень приятно, – сказал Егоров. – Как я понял, вы говорили о смерти вашей коллеги Виолетты Леонидовой. У меня к этому делу профессиональный интерес – ведь я тот человек, которому поручено его вести. Я должен найти убийцу вашей коллеги. И поэтому меня крайне заинтересовал ваш разговор в той части, которая касалась какого-то ожерелья. Ведь вы, Екатерина Игнатьевна, прямо назвали этот предмет возможной причиной убийства Леонидовой.

– Да, я так считаю, – кивнула певица. – Демонстрировать драгоценности столь большому числу людей – значит накликать беду.

– А что представляло собой это ожерелье? – продолжал допытываться капитан.

Артисты вновь переглянулись, и певица Знаменская решила ответить первой.

– Вчера на Виолетте было бриллиантовое ожерелье с обрамлением из золота, – объяснила она. – Сразу было видно, что вещь эта – старинная. Но если и оставались какие-то сомнения на этот счет, то сама Виолетта всем говорила, что этой драгоценности больше ста лет, она чуть ли не принадлежала кому-то из царской семьи. Впрочем, она о многих вещах из своей коллекции так говорила...

– Так Леонидова собирала драгоценности? – воскликнул Егоров. Он только что узнал новость, имевшую важнейшее значение! – У нее была коллекция?

– Да, у Виолы имелась коллекция драгоценных вещей, – подтвердил Георгий Аполлонович. – Она их очень ценила, и вовсе не из-за их большой стоимости, хотя стоили они, конечно, немало. Она их ценила за их красоту, а также за то, что в их обрамлении еще ярче сияла ее собственная красота.

– Георгий, конечно, не может удержаться и не сказать комплимент покойнице, – усмехнулась Знаменская. – Хотя какая уж там особенная красота могла быть в ее годы...

– Нет, это вы зря говорите, Екатерина Игнатьевна, – вмешалась в разговор Новицкая. – Виолетта Игоревна следила за собой, была в хорошей форме. Я уважала ее за то, что она за собой следит.

– Что же, Леонидова занималась физкультурой? – поинтересовался капитан.

– Ну, слово «физкультура» тут не слишком подходит, – усмехнулся Поздняков. – Одно время она увлекалась йогой, занималась в кружке, который вел какой-то индийский отшельник. Но в последнее время, мне кажется, у нее уже не хватало на это времени, так что она просто бегала, плавала... Но за своей физической формой, безусловно, следила.

– Этот момент меня тоже интересует, – сказал Егоров. – Но гораздо важнее для следствия – узнать как можно больше о коллекции драгоценных камней, которую собрала ваша коллега. Кто из вас может рассказать, как создавалась эта коллекция? Какие предметы в нее входили? Где она хранилась? В общем, я хотел бы узнать об этих драгоценностях как можно больше.

Собеседники капитана Егорова переглянулись в третий раз, и Георгий Аполлонович сказал:

– Знаете, по этому вопросу вам надо обращаться не к нам. Вообще не к тем людям, которые сейчас работают в театре. Вам надо встретиться с Княжевичем. Он, конечно, в театре уже давно не работает, лет шесть как ушел. И дело не просто в возрасте – у него проблемы с сердцем, ему волноваться нельзя.

– Верно, верно! – поддержала его певица Знаменская. – Эту историю может рассказать только Юрий Германович. Он-то все знает с самого начала...

– А кто этот Юрий Германович Княжевич? – спросил Егоров.

– Он легенда нашего театра, – объяснила скрипачка Новицкая. – Даже я, человек в театре сравнительно новый, знаю, что Юрий Германович – человек-легенда. Он проработал в нашем театре больше тридцати лет, пришел в него во время войны...

– Нет, раньше, гораздо раньше! – поправил скрипачку Поздняков. – Он еще до войны пришел. Пришел как актер, выступал на третьих ролях, его использовали в мимансе. И постепенно, постепенно поднялся до режиссера, ставил знаковые для нашего театра спектакли. Он отлично знал Виолетту Игоревну, знал, чем она жила...

– Он знал ее ближе многих других, – многозначительным тоном добавила Знаменская. – Ну, я надеюсь, вы меня понимаете?

– Вы хотите сказать, что они с Леонидовой были близки? – догадался Егоров.

– Просто ближе некуда, – подтвердила певица. – Он все знает о Виолетте. И он многое может вам рассказать, если, конечно, захочет говорить...

– Я попробую убедить вашего старожилу, – сказал Егоров. – Вы не сможете продиктовать мне его адрес?

Глава 3

Режиссер Юрий Княжевич жил на Моховой, в старом доме, построенном сразу после войны. Войдя в подъезд, Егоров обратил внимание на то, что в доме не было лифта. Правда, режиссер жил на третьем этаже, не так высоко. «Но как же обходятся пожилые люди, живущие на шестом?» – подумал оперативник. Он не знал ответа.

На звонок в дверь долго никто не отзывался, и Егоров позвонил снова, а затем в третий раз. И только после этого услышал за дверью медленные, неуверенные шаги. А затем услышал и голос, говоривший:

– Сейчас, сейчас... Зачем так трезвонить?

Заскрипел поворачиваемый ключ, лязгнул замок, и дверь открылась. Егоров увидел человека, когда-то высокого, теперь же согнутого годами. Глаза у Юрия Княжевича слезились, однако смотрели зорко, внимательно.

– Что-то я вас не узнаю, молодой человек, – сказал режиссер. – Вы не из нашего театра?

– Нет, Юрий Германович, я не из вашего театра, – ответил капитан Егоров. – Я вообще не из театра, я из милиции, из уголовного розыска. Вот мое удостоверение.

– Зачем мне ваш документ? – проговорил режиссер. – Я и так вижу, что вы имеете отношение к охране порядка, ко всем этим расследованиям. Меня, знаете ли, трудно обмануть. Проходите, проходите. Расскажите, какое у вас может быть ко мне дело. Даже не представляю, что за дело...

И, говоря все это, режиссер повернулся и медленно двинулся в глубь квартиры. Егоров вошел, закрыл дверь и пошел вслед за хозяином. Было видно, что он попал в жилище человека искусства. Коридор, по которому они шли, украшали фотографии знаменитых артистов, а также несколько картин. Приглядевшись, Егоров заметил, что все они были с дарственными надписями. Они миновали дверь в кухню и вошли в богато обставленную комнату. Сразу бросился в глаза большой письменный стол, кресло перед ним и ряды книжных шкафов. Видимо, это был кабинет режиссера.

Княжевич указал гостю на стул, а сам опустился в кресло.

– Итак, что же вас привело ко мне, товарищ из уголовного розыска? – спросил он. – Давайте попробую угадать. Может быть, у кого-то из моих соседей украли велосипед? Или старушку Зинаиду Авдеевну с пятого этажа покусала собака красавицы Ирины, живущей на шестом?

Судя по этим словам, у старого режиссера было хорошее, даже отличное настроение, он был склонен шутить. Было жаль огорчать старого режиссера, но у Егорова не было выбора.

– К сожалению, у меня более печальный повод для визита к вам, – сказал он. – Дело в том, что...

– Подождите! – попросил собеседника Княжевич. – Я понимаю, что вы хотите сказать! Кто-то умер, кто-то из близких мне людей. Кто?

– Виолетта Игоревна Леонидова, – ответил Егоров. – Прошедшей ночью она была убита в своей квартире.

Он замолчал, понимая, что для его собеседника эта новость имеет особое значение. Нельзя спешить с обычными для его профессии вопросами, выуживать из хозяина квартиры на Моховой информацию. Юрий Княжевич должен оправиться после такого удара судьбы.

А для старого режиссера это был действительно удар. Он закрыл глаза, побледнел.

– Виолетта! – произнес он, открывая глаза. – Кто бы мог подумать? Самая живая, самая веселая из всех, кого я знал, кого учил! Вы говорите, убита?

– Да, убита этой ночью, – повторил капитан.

– Как это несправедливо! – режиссер покачал головой. – Как неправильно! Было бы понятно, если бы нож убийцы был направлен на меня. Ведь мне, в сущности, уже незначительно жить, длить это постылое существование. Но она... Так вы, значит, ищете убийцу? Это нужное дело. Только не понимаю, чем я могу быть вам полезен. Я ведь давно не видел Виолу. Правда, мы иногда общались по телефону...

– У нас есть основания полагать, что убийство совершено с целью ограбления, – начал объяснять капитан. – В театре мне рассказали, что Виолетта Игоревна собирала коллекцию драгоценностей. И я хотел у вас узнать, так ли это. Также мне хотелось получить представление, насколько велика была эта коллекция, какие предметы туда входили. Вы что-то знаете об этом?

– Ее бриллианты! Ну конечно! – воскликнул Княжевич, всплеснув руками. – Знал ли я о ее коллекции? Конечно же, знал. Об этом знали все, кто с ней был близко знаком. Она все время говорила об этом своем увлечении. Она жить не могла без этих своих стекляшек.

– Насколько велика была эта коллекция? – спросил Егоров. – Какие предметы в нее входили?

– О, это было довольно обширное и очень ценное собрание, – проговорил режиссер. – Я помню диадему, которая относилась к эпохе Екатерины Великой, бриллиантовое кольцо, серьги в тон этому кольцу, алмазную заколку... А перстни? В коллекции имелись две дюжины колец и перстней, и все золотые, украшенные изумрудами. Ну, и вещи попроще – жемчужные бусы, серьги...

– Как Виолетта Игоревна приобретала драгоценности? Где находила продавцов? – спросил капитан.

– О, это тоже была целая история, и довольно увлекательная, – проговорил режиссер. – У Виолы постепенно сложились обширные знакомства в среде людей, которые интересуются антиквариатом, в том числе старинными драгоценностями.

– Так она старалась купить не просто дорогие, ценные вещи, но вещи старинные? – уточнил капитан.

– Да, конечно! – последовал ответ. – Виолетта была человеком очень любознательным и тщеславным. Ей льстило, что она носит вещь, которая принадлежала знаменитым людям, может быть, самой императрице... Она знала историю каждой своей вещи, могла ее рассказать...

– Мне в театре говорили о ее последнем приобретении – каком-то необыкновенном ожерелье, – сказал Егоров. – Вы не видели это ожерелье?

– Нет, не видел, – режиссер покачал головой. – Я вам уже говорил в начале нашей беседы – я давно не виделся с Виолеттой. Когда-то мы были близки... очень близки. Но все же сказывается разница в возрасте – ведь она на двадцать лет моложе меня. И интересы у нас тоже в значительной степени разные. Я никогда не мог разделить ее интереса к этим драгоценностям. Так что я не видел ее, наверное, уже три месяца. В последний раз мы виделись в июне. И тогда не было речи о новом ожерелье.

– Значит, вы не знаете, у кого она могла его купить?

– Понятия не имею.

– Скажите, а еще кто мог знать о коллекции Леонидовой, кроме ее коллег по театру?

– Кроме людей театра... – произнес Княжевич и задумался. Потом тряхнул головой и произнес: – Пожалуй, это были люди, причастные к музыке. Музыканты филармонического оркестра, известные исполнители, дирижеры... Да и просто любители хорошей музыки и сольного пения. Знаете, я припоминаю одного такого страстного почитателя Виолы. Он ходил на все спектакли с ее участием и всегда преподносил ей огромные букеты цветов. Ему разрешали входить за кулисы, он даже стал в театре, так сказать, своим человеком. Виола даже несколько раз ходила с этим человеком в рестораны...

– А кто этот страстный почитатель? – заинтересовался капитан. – Вы его знаете?

– Да, мы несколько раз виделись в театре, – сказал Княжевич. – Его звали... сейчас, одну минуту...

Режиссер встал, с трудом дошел до своего письменного стола, открыл один ящик, потом другой... Наконец он нашел то, что искал – старую записную книжку. Полистал ее и нашел нужную запись.

– Вот, записывайте, – сказал он. – Этого человека зовут Борис Маркович Шварцман. Его адреса у меня нет, но есть номер телефона, сейчас я вам его продиктую.

И режиссер продиктовал номер домашнего телефона меломана. Егоров записал эти данные, после чего спрятал блокнот и поднялся.

– Большое вам спасибо, Юрий Германович, – сказал он. – Вы мне очень помогли. Выражаю вам свои соболезнования в связи с гибелью Виолетты Игоревны.

– Да, спасибо за теплые слова, – ответил старый режиссер. – А вам я желаю обязательно найти этого негодяя, который убил Виолу. Он должен получить справедливое наказание!

Выйдя от режиссера, капитан Егоров на минуту задумался. Куда идти в первую очередь? Следует ли немедленно заняться страстным почитателем таланта Виолетты Леонидовы Борисом Шварцманом или сначала нужно повторить осмотр ее квартиры? Шварцман, как человек, постоянно общавшийся с певицей, мог знать о ее знакомых, о человеке, который продал певице роковое ожерелье. Поэтому поговорить с ним капитану очень хотелось. Но, с другой стороны, он ведь так и не знал: действительно ли певица была ограблена? Вдруг при повторном обыске бриллианты найдутся?

После недолгого колебания капитан сделал выбор и поехал на квартиру убитой.

Поднявшись на площадку третьего этажа, где жила Леонидова, он внимательно осмотрел печати, которые сам же сегодня днем наложил, а затем открыл дверь, запертую на этот раз на оба замка. При этом он пользовался ключами, которые забрал у домработницы Петровой.

Повторный обыск он начал с того, что обошел всю квартиру и внимательно ее осмотрел. А затем постарался представить, где такой человек, как Леонидова, мог прятать самое дорогое, чем владел. Он сразу исключил разного рода тайники в удаленных местах, таких как сливной бачок в туалете или мусорное ведро с двойным дном. Нет, такой человек, как Виолетта Леонидова, ни за что не станет прятать драгоценности в подобных местах! Бриллианты для нее – прежде всего предмет искусства, нечто прекрасное, и только после этого – богатство. Она ими постоянно пользовалась, надевала то ожерелье, то серьги. Значит, драгоценности должны храниться где-то под рукой у певицы, в таком месте, куда всегда есть доступ. Но в то же время она вряд ли стала бы хранить их в гостиной, где могли сидеть ее гости. Скорее всего, надо искать в спальне. И капитан направился в спальню певицы.

Здесь он также не спешил осматривать полки шкафа, где хранилась одежда и белье, не стал открывать ящики прикроватной тумбочки. В эти места во время уборки могла заглядывать домработница, и в них нельзя было держать сокровища. Капитан встал посреди спальни и попытался представить себя на месте погибшей певицы. Общаясь с коллегами певицы в театральном буфете, беседуя позже со старым режиссером, он успел уже кое-что узнать о погибшей, составить себе ее психологический портрет. И теперь он старался использовать это знание, чтобы понять, где ему нужно искать бриллианты.

Так Егоров стоял некоторое время, затем еще раз медленно оглядел комнату – и шагнул к старинному трюмо. Разумеется, домработница протирала этот предмет каждый день. И все же капитану казалось, что этот предмет, сам воплощение старины, воплощение мебельного искусства, как нельзя лучше подходил для того, чтобы стать тайником для сокровищ.

Егоров провел рукой по раме, погладил ее. Одновременно он искал на ней какой-то выступ, что-то, что могло привести в действие пружину. Нет, на раме такого выступа не оказалось. Тогда он присел на корточки и стал проделывать то же самое с подзеркальником. И когда он провел рукой по нижней стороне подзеркальника, то нащупал не выступ, а, наоборот,

углубление. Он опустил туда палец, надавил – и вдруг что-то щелкнуло, и из подзеркальника сбоку выехал небольшой узкий ящик.

Егоров встал, попробовал взять этот ящик. Это получилось без труда: ящичек просто стоял на подставке, которая свободно двигалась, выезжая из подзеркальника и уходя обратно, если нажать. Ящичек, который капитан держал в руках, сам был драгоценностью – он был сделан из янтаря. Егоров открыл крышку. В ящичке было два отделения – побольше и поменьше. «Скорее всего, в большом хранились крупные вещи, – подумал капитан. – Ожерелья, диадема, колье и тому подобное. А в другом, маленьком, лежали серьги, броши, перстни, кольца...» Увы: сейчас там ничего не лежало. Оба ящика были пусты.

Глава 4

Итак, Егоров установил причину, по которой было совершено убийство Виолетты Леонидовой. Это было ограбление, убийца унес с собой всю коллекцию, собранную певицей. Перед оперативником сразу вставало несколько вопросов. Каким образом грабитель собирался распорядиться награбленным? «Вряд ли убийство совершил такой же коллекционер, каким была сама Леонидова, – размышлял капитан. – Что-то я не слышал о таких преступлениях».

Значит, убийца постарается похищенное продать. Где он будет это делать? Тут есть два варианта. Либо он понесет свою добычу в комиссионный магазин, либо у него есть знакомый скупщик. У сотрудников МУРа имелись сведения о сотрудниках комиссионных магазинов, которые были склонны брать на реализацию краденые вещи. В частности, имелись три ювелирных магазина, которые могли взять такой товар, не задавая лишних вопросов. Все эти магазины следовало немедленно посетить и побеседовать с их сотрудниками.

Также в милиции знали четверых людей, которые могли купить драгоценности. Не для себя, конечно, – для дальнейшей продажи любителям «камешков». Эти же люди занимались и продажей. А может быть, услугами этих перекупщиков пользовалась и Леонидова? Капитан взглянул на часы: шел одиннадцатый час. Ювелирные магазины сейчас, конечно, закрыты, обращаться туда нет смысла. А вот перекупщики – люди деловые, ложатся спать поздно. Есть смысл поговорить с кем-то из них на сон грядущий. И Егоров направился к телефону.

Вначале он позвонил в родной МУР, в отдел, который занимался мошенниками – именно по этой статье проходили люди, занимавшиеся незаконной скупкой и продажей драгоценностей.

– У телефона капитан Егоров, – сказал он, когда на другом конце телефонной линии сняли трубку. – С кем я говорю?

– Здесь лейтенант Кузнецов, – ответил сотрудник, находившийся на дежурстве.

– А, привет, Игорь! – сказал Егоров, хорошо знавший молодого лейтенанта. – Слушай, мне нужны данные скупщиков. Я помню, у нас их числится четыре человека. Дай мне их адреса, а если у кого-то есть телефон, то и номера дай.

– Ты каких скупщиков имеешь в виду? – спросил лейтенант. – А то у нас разные имеются: машин, драгметаллов, мехов...

– Нет, мне нужны скупщики драгоценностей, – объяснил капитан. – Понимаешь, мне поручили расследовать убийство певицы Леонидовой, а это дело связано с хищением бриллиантов.

– Теперь понятно, – ответил Кузнецов. – Значит, дело обстоит таким образом. Таких скупщиков у нас действительно было четверо. Но буквально неделю назад одного из них, Константина Кибрика, осудил суд, и он отправился отбывать срок. Таким образом, их осталось трое. Телефон имеется только у одного из них – у Славы Кабукия. Сейчас я тебе дам его данные, а также остальных двоих. Записываешь?

– Сейчас запишу, – отвечал Егоров. – Но почему твой обладатель телефона имеет такое детское имя – Слава? А полное его имя как звучит?

– Никак, – отвечал лейтенант. – Он с Кавказа, а там странные представления об именах. Он и по паспорту так именуется – Слава Джумбатович... Так ты готов? Диктую.

И лейтенант продиктовал Егорову данные скупщиков. Капитан их записал, положил трубку – и тут же снова ее снял. Теперь он звонил тому единственному торговцу драгоценностями, у которого имелся домашний телефон. Ведь это средство связи имелось далеко не у всех москвичей, а только у избранных счастливицев.

Трубку на другом конце провода сняли далеко не сразу. «Спит он, что ли? – удивился Егоров. – При его профессии вроде рано ложиться. Тем более восточному человеку».

Но вот на другом конце провода сняли трубку, и капитан услышал низкий голос, который произнес с легким акцентом:

– Я слушаю.

– С вами говорит капитан Егоров из отдела по расследованию убийств, – представился оперативник. – Скажите, Кабукия, вам сегодня приносили какие-либо драгоценности? Только не говорите мне, что вы в глаза не видели никаких бриллиантов и изумрудов, что вы целыми днями трудитесь на заводе. Мы знаем, чем вы на самом деле занимаетесь. И если будете играть в молчанку, я вас быстро отправлю туда, куда только что отправился один ваш коллега по фамилии Кибрик.

– Зачем же сразу думать о человеке плохое? – с легким упреком произнес кавказец. – Я еще ничего не сказал, рта не успел открыть, а меня уже обещают за решетку отправить. Ты так меня напугал, капитан, что я уже успел забыть, что ты, собственно, спрашивал. Повтори, если тебе не трудно.

Егоров глубоко вздохнул, чтобы унять нарастающее раздражение, и повторил вопрос:

– Вам сегодня приносили для продажи какие-либо драгоценности?

– Ну, кое-что принес один человек, – со вздохом произнес скупщик. Как видно, это признание далось ему нелегко, но он не хотел конфликтовать с милицией, тем более с сотрудником такого грозного отдела.

– Что значит «кое-что»? – стал допытываться Егоров. – Бриллианты, жемчуг, изумруды?

– Нет, что вы! – воскликнул Слава Кабукия. – Какие бриллианты? Я давно не видел бриллиантов, только подделки. Нет, этот человек принес цыганское золото – знаете, низкой пробы. Я и братъ не хотел, но мне уже давно ничего не приносили, а ведь надо на что-то жить...

– Жить, Кабукия, надо на зарплату, – сурово произнес капитан. – Значит, вы утверждаете, что ни от кого не получали в последнее время ожерелий или других изделий с драгоценными камнями?

– Нет, гражданин капитан, никаких ожерелий я давно в руках не держал! – воскликнул перекупщик. – Я понимаю, что вы мне не верите, думаете, Кабукия врет как сивый мерин, а сам драгоценные камни в бочках держит. Можете проверить, можете ко мне приехать, всю квартиру перерыть – ничего не найдете, кроме того самого цыганского золота.

– Тогда скажите мне вот что, – все так же сурово произнес Егоров. – Кто, по вашим сведениям, мог вчера продать одной женщине драгоценное ожерелье восемнадцатого века?

– Старинное ожерелье? – переспросил Кабукия. – Это интересно! Очень интересно! Я бы сам такую вещь купил, никаких денег бы не пожалел, но купил. Потому что старинные вещи в цене никогда не падают – они только растут. Вы мне вот что скажите: а кто была эта женщина, которая купила эту замечательную вещь?

– Зачем вам это знать? – нахмурился Егоров.

– Я скажу зачем, – ответил перекупщик. – Если я буду знать, кто купил, я, может, смогу догадаться, кто продал. Ведь в нашем мире все связано...

– Хорошо, я скажу, – кивнул Егоров. – Ожерелье купила одна известная певица.

– Ага, вот оно что! – воскликнул перекупщик. – Если певица, то... Знаете, есть один человек, его зовут Петр Петрович, а фамилии я не знаю. Вот точно не знаю, хоть убейте меня! Ведь в нашем мире не положено интересоваться фамилиями, адресами и подобными данными. Но насчет Петра Петровича я знаю три интересные вещи. Во-первых, что он живет где-то в Сокольниках. Точного адреса не знаю, я никогда там не был. Просто однажды, когда мы с ним общались, он проговорился, что ему от меня далеко ехать, в самые Сокольники. Во-вторых, что время от времени он продает очень редкие вещи, очень дорогие – серьги, броши, кулоны. Скорее всего, они ему по наследству достались, от родственников. А в-третьих, я знаю, что Петр Петрович очень любит музыку и собирает коллекцию редких пластинок. Вот что я об этом человеке знаю, а больше мне ничего не известно.

– Нет, вам еще кое-что известно, – настаивал капитан. – Чтобы получить все эти сведения, вы должны были с этим человеком общаться. Как давно вы встречались? Что он вам продавал?

– Ну, встречались мы, встречались... – признался перекупщик. – Когда было? Весной дело было. Он ко мне приехал, чтобы купить пластинку Клавдии Шульженко. Понимаете, он не соглашался ничего мне продать, пока я не предложил ему кое-что у меня купить. А именно редкую пластинку Шульженко. Так что это была как бы и не торговля, а обмен.

– Значит, этот Петр Петрович знал многих музыкантов, так я понимаю? – спросил Егоров.

– Да, он разбирался в музыке, знал музыкантов, – согласился Кабукия. – Потому я вам и сказал, что он мог продать этой вашей певице какую-то серьезную вещь.

Теперь капитану Егорову многое стало ясно.

– Хорошо, Кабукия, обыск я у вас проводить пока не буду, – сказал он. – Но пообщаться нам, скорее всего, еще придется.

И, не слушая ответа этого жулика, он положил трубку. Теперь у него была наводка на человека, который, возможно, продал Виолетте Леонидовой старинное ожерелье – ту вещь, из-за которой ее, может быть, и убили. Следовало как можно скорее повидаться с этим Петром Петровичем. И Егоров снова поднял телефонную трубку и снова позвонил в МУР, дежурному лейтенанту Кузнецову.

– Слушай, Игорь, какое дело, – сказал он. – Мне еще один адрес нужен. Правда, это уже не совсем по твоей части, этот человек, который меня интересует, не занимается перепродажей. Но, может быть, он у вас когда-то проходил по какому-либо делу?

– Хорошо, поищу, если очень нужно, – согласился Кузнецов. – Что за человек, какие у нас есть данные?

– Данных немного, – сказал капитан. – Зовут его Петр Петрович, живет он в Сокольниках, а еще известно, что он меломан, коллекционирует пластинки с редкими записями. Например, недавно приобрел пластинку Шульженко.

– Хорошо, поищу, – повторил свое обещание лейтенант. – Только тебе придется подождать. Перезвони мне через часок.

– Через часок? – разочарованно протянул Егоров. – А раньше не получится? Ведь сейчас уже половина двенадцатого...

– Что, спать хочется? – рассмеялся на другом конце провода лейтенант. – Ничего не поделаешь, придется подождать. Ты мне сложную задачку задал, буду решать. У меня все равно ночное дежурство, мне что полночь, что три часа ночи – все равно. Так искать или нет?

– Ищи! – твердо сказал Егоров. – Как найдешь – звони вот по этому номеру, я по нему буду.

И он продиктовал лейтенанту номер телефона Виолетты Леонидовой. После чего достал блокнот и стал заносить в него уже полученные данные, а также составлять план работы на ближайшее время. Ему уже было ясно, что даже если лейтенант Кузнецов найдет адрес неизвестного Петра Петровича, ехать в Сокольники сегодня уже не придется. «Ничего, займусь этим Петром Петровичем завтра с утра, – решил Егоров. – А если Кузнецов его адрес не найдет, пока оставлю дело Леонидовой и займусь теми двумя. У меня же не одно дело, а целых три! Надо будет с утра идти к Храпченко и Пчелинцеву, забрать то, что они уже успели собрать».

Ждать капитану Егорову пришлось почти сорок минут. Наконец раздался телефонный звонок, и лейтенант сообщил:

– Нашел я твоего Петра, представляешь? Сам не верил, что найду, но нашел. Записывай адрес.

И он продиктовал обрадованному Егорову фамилию и адрес загадочного меломана. Тот записал полученные данные, положил трубку на рычаг и направился к двери – предстояло

снова закрыть и опечатать квартиру, в которой произошло убийство. Егоров уже открыл внутреннюю дверь квартиры (здесь было две двери), когда услышал телефонный звонок. Кто-то звонил ныне покойной певице. Звонил почти в час ночи. Конечно, в Москве мало кто знал о трагической кончине Леонидовой, и, конечно, такой человек, как она, мог иметь очень необычный распорядок дня. Но все равно – в этом ночном звонке было что-то крайне тревожное. И Егоров решил на него ответить. Он вернулся к телефону и уже протянул руку, чтобы снять трубку, когда аппарат вдруг перестал звонить.

Капитан еще минуту постоял над молчавшим телефоном, ожидая, не зазвонит ли он снова, а потом опять направился к выходу.

Глава 5

Следующий день Егоров решил начать все же не с визита в Сокольники, а с похода в родной МУР. У него было опасение, что когда он встретится с Петром Измайловым – так, по информации Кузнецова, звали собирателя редких пластинок, жившего в Сокольниках, – то там, в Сокольниках, он и застрянет. Между тем Егоров остро чувствовал, что ему необходимо ознакомиться с первыми двумя делами. «А то мне дело Леонидовой все остальное заслонит, – думал капитан. – А так нельзя. Раз Семен Егорович решил объединить эти дела в одно, значит, и расследовать их нужно, как одно, сразу со всех концов».

Сначала Егоров поднялся в кабинет, в котором работал капитан Храпченко – он расследовал дело об убийстве дирижера Аркадия Воскресенского. Кроме Храпченко в кабинете сидел еще один сотрудник – лейтенант Сергей Никитин. И в данный момент лейтенант вел допрос какого-то гражданина, который горячо отрицал свою причастность к какому-то преступлению. Разговаривать в такой обстановке было трудно, и Храпченко с Егоровым вышли в коридор. При этом Храпченко прихватил с собой довольно объемистую папку.

– Вот, Егоров, сдаю тебе это дело, – сказал он, протягивая папку. – Тут все, что я успел накопать за эти четыре месяца. В основном здесь протоколы – осмотра тела, обыска квартиры, допросов подозреваемых...

– У тебя были подозреваемые? – заинтересовался Егоров.

– Были, а как же! – подтвердил Храпченко. – Сначала я подозревал племянника дирижера, Валерия Жабкина. Скользкий, противный тип. Нигде не работает, хотя формально числится страховым агентом. А фактически является театральным барышником – скупает билеты на спектакли, пользующиеся повышенным спросом, и затем продает их втридорога. В ходе следствия он без конца менял показания – где он находился в момент убийства его дяди. А главное – при обыске я обнаружил в его квартире несколько монет из коллекции убитого дирижера. В основном поэтому я и взял племянника под подозрение. Однако потом от этой версии пришлось отказаться – там имелся ряд нестыковок.

– А каких именно нестыковок? – продолжал допытываться Егоров.

– В основном они касались способа убийства. Понимаешь, этот Жабкин – человек физически очень слабый. По заключению врачей, он просто не мог сломать шею убитому. Ну, и алиби у него кое-какое имелось. А что касается монет, то Жабкин признался, что попросту украл их у своего дядюшки. Признался он и в том, что занимался такими кражами довольно давно. Однако, как я уже сказал, этого Жабкина пришлось оставить в покое. Тогда я взялся за одного нумизмата, Глеба Хрусталева. Тут уж я шел как раз от физических данных. Хрусталев занимается спортом, а именно тяжелой атлетикой. Руки у него – как у молотобойца, такими ручищами быку можно шею свернуть. И я некоторое время этого Хрусталева разрабатывал. Он даже в СИЗО у меня успел посидеть, такое он у меня вызывал подозрение. Но потом его пришлось выпустить – выяснилось, что в момент убийства Хрусталев находился на соревнованиях. Я потом еще троих нумизматов проверял, но эти проверки ни к чему не привели. В общем, трудное оказалось дело, настоящий «висяк». И я рад, что полковник передал его тебе. Теперь твоя очередь над ним мучиться.

– Ладно, как-нибудь помучаюсь, – согласился Егоров, принимая объемистую папку уголовного дела.

Теперь ему предстояло спуститься на второй этаж, где в отдельном кабинете работал майор Василий Пчелинцев. Майор встретил Егорова не слишком приветливо, не выказал особой радости по поводу того, что у него забирают дело об убийстве Бориса Соколова. И все-таки капитан отметил, что Пчелинцев не прочь расстаться с этим делом.

– Вот, бери, – хмуро произнес он, передавая Егорову папку с делом – менее увесистую, чем папка Храпченко. – Здесь все, что я успел накопать за два месяца.

– А подозреваемый у вас имелся? – спросил капитан.

– Имелся, а как же! – хмыкнул Пчелинцев. – Нам без подозреваемых никак нельзя. Есть у меня такой книжный маклер, который торговлей книгами занимается, Семен Маркуша. Он часто ходил к убитому, каждую неделю, точно знал, что у того имеется в коллекции. К тому же он знал, какие книги в коллекции ценные, а какие не очень, какие сколько стоят. И наконец, он знал людей, которым можно похищенное продать. Кому же убить, как не ему? Я уже и ордер на его арест у прокурора подписал, но тут пришло распоряжение передать все это дело тебе. Так что арестовывать Маркушу ты сам будешь.

– А физической силы этому книжному червю хватит, чтобы свернуть шею артисту? – поинтересовался Егоров.

– Вот, и ты туда же, – нахмурился Пчелинцев. – Семен Егорович тоже мне такой вопрос задавал.

– И что вы ответили?

– Ответил, что не знаю, я его силу на силомере не измерял. Откуда мне известно, на что этот спекулянт способен, на что не способен? Если у человека приступ жадности, может, у него силы в десять раз больше становятся. Ну, а теперь этот вопрос, насчет его силы, ты сам будешь решать. Все, флаг тебе в руки. А я этот камень с души сбросил.

Два объемистых уголовных дела оттягивали руки; ехать с ними в Сокольники было, конечно, неправильно. И вообще документы должны лежать в сейфе. Поэтому Егоров поднялся в свой кабинет, который он делил с лейтенантом Полозковым. В данный момент лейтенанта не было на месте, кабинет был пуст. Егоров положил бумаги в сейф и уже собрался выйти в коридор, когда дверь открылась и в кабинет заглянул лейтенант Игорь Кузнецов, с которым Егоров так много общался этой ночью.

– Ты здесь? – обрадовался лейтенант. – Хорошо, что я тебя застал. Хотел сообщить новость, я ее только сейчас узнал. Я как раз смену сдал, домой собрался. И тут зашел Пашка Чумаков и сообщил, что, оказывается, вчера в Сокольниках произошло убийство.

– И какая же это новость? – удивился Егоров. – Убийства у нас, к сожалению, случаются довольно часто.

Он это сказал, и в то же время его кольнуло какое-то нехорошее предчувствие.

– Потому что это убийство имеет к твоему расследованию самое непосредственное отношение, – объяснил Кузнецов. – Убит некий Петр Петрович Измайлов, известный меломан и собиратель редких грампластинок. Тот самый Петр Петрович, адрес которого...

– Понял! – перебил его Егоров. – Теперь я понял! Это мой свидетель, на которого я рассчитывал. А подробности ты знаешь?

– Нет, подробностей не знаю, – покачал головой лейтенант. – Знаю только, что туда, на место преступления, поехал лейтенант Позднышев из вашего отдела. Это где-то прямо рядом с парком. Если захочешь, ты их там найдешь. Так что решай, что тебе делать дальше. Ну, а я пошел.

И с этими словами Кузнецов исчез.

Первым побуждением капитана Егорова было немедленно мчаться в Сокольники, увидеть место преступления, узнать подробности... Потом вместе с Позднышевым отправиться на квартиру убитого, провести там обыск... Он даже встал, сделал несколько шагов к двери. И тут передумал. Вернулся к столу, сел и задумался.

«Что мне даст изучение места убийства Петра Петровича и его квартиры? – размышлял капитан. – Да, я уверен, что это убийство – никакая не случайность, что оно прямо связано с убийством Леонидовой. Но ведь покойник мне ничего не расскажет. Возможно, он был убит потому, что знал убийцу Леонидовой – вернее, он знал человека, которому рассказал об оже-

релье, купленном певицей. Но теперь он об этом человеке уже не расскажет. С этой стороны мне теперь к убийце не подобраться. К тому же полковник Волков мне не звонил, он не объединил убийство Петра Петровича с тем делом, которое я веду. Убийство Петра Петровича будет расследовать Позднышев. А мне надо заниматься своим делом».

И капитан открыл блокнот и начал изучать записи, сделанные вчера. Вот что ему рассказали люди, работавшие в театре, с ними он беседовал в театральном буфете. А вот это ему сказал старый режиссер Княжевич. Ну да, конечно! Старый режиссер назвал ему имя человека, который был страстным почитателем Леонидовой, ходил к ней за кулисы, встречался с ней, обедал в ресторанах... Этого человека зовут Борис Маркович Шварцман, и вот его телефон. «Вот эту ниточку мне теперь и нужно тянуть!» – решил Егоров, пододвинул к себе телефон и позвонил Шварцману.

После нескольких гудков трубку подняли, и Егоров услышал:

– Шварцман у телефона. Кто спрашивает?

Голос был звучный; такой голос мог принадлежать человеку, который привык часто выступать, говорить с большой аудиторией.

– С вами говорит капитан Егоров из уголовного розыска, – представился оперативник. – Мне необходимо с вами поговорить в связи с гибелью Виолетты Игоревны Леонидовой. Кажется, вы...

– Что?! – прервал его речь крик, раздавшийся на другом конце провода. – Что вы сказали?! Летта погибла?! Этого не может быть!

– А вы не знали об этом? – немного удивился Егоров. Ему казалось, что, поскольку с момента гибели певицы уже пошли вторые сутки, этот факт широко известен. – В таком случае извините, что я так вас огорчил. Тем не менее это факт – Леонидова была убита позавчера, пятнадцатого октября. И мне поручено расследовать это преступление. Мы не могли бы сейчас встретиться?

– Встретиться... Да, конечно... – пробормотал собеседник на другом конце провода. – Я собирался кое-что прочесть к лекции, но это подождет... А где она сейчас? Я хотел сказать: где тело Летты? Ее еще не похоронили? Я хотел проститься...

– Тело Леонидовой в морге, – ответил Егоров. – Когда ее будут хоронить, я не знаю, но думаю, что не завтра, так что вы еще успеете проститься. А сейчас необходимо найти ее убийц. И я надеюсь, вы мне в этом поможете. Вы можете сейчас подъехать на Петровку, в МУР?

– Да, конечно, я приеду, – торопливо ответил собеседник. – Я сейчас...

– Буду ждать, – сказал Егоров.

И он вновь стал изучать свои вчерашние записи и намечать новые направления расследования.

Спустя сорок минут раздался стук в дверь, и в кабинет вошел представительный мужчина лет сорока пяти. Хороший костюм, польский плащ, правильно подобранный галстук – все говорило о том, что перед оперативником предстал человек высокого положения. Его холерное лицо выражало неподдельное горе.

– Моя фамилия Шварцман, – сказал вошедший. – Вы меня вызывали...

– Да, Борис Маркович, вызывал, – ответил Егоров. – Проходите, пожалуйста, плащ можно снять. Садитесь сюда. Сначала несколько формальных вопросов...

Из ответов свидетеля капитан узнал, что Шварцман – доцент, работает в Московском педагогическом институте, преподает математику и астрономию. Был женат, но сейчас разведен, есть двое детей, дочь и сын, оба уже взрослые.

Но вот формальная часть была закончена, и капитан перешел к основной части беседы.

– Вы давно были знакомы с Виолеттой Леонидовой? – спросил Егоров.

– Это сложный вопрос, – ответил преподаватель. – Смотря что считать знакомством. Я был страстным почитателем таланта Виолетты Игоревны уже давно – пожалуй, лет двенадцать.

Я посещал все спектакли с ее участием, ходил на концерты, дарил цветы... Долгое время этим и ограничивалось. Но затем мне удалось попасть за кулисы и лично познакомиться с Леттой. Это произошло пять лет назад. Вот этот срок, пожалуй, и надо считать временем нашего знакомства.

– Я знаю, что вы вместе проводили время, бывали в ресторанах...

– Да, Летта любила хорошую кухню, и я старался ее баловать.

– Вы бывали у нее дома?

Тут Борис Шварцман несколько смутился. Видимо, ему не хотелось отвечать на этот вопрос. Но Егоров с нажимом повторил:

– Вы бывали дома у Леонидовой?

– Ну да, бывал... – признался Шварцман.

– У нее не было от вас тайн?

– В каком смысле?

– Уточню вопрос. Вы знали, что она собирает драгоценности?

– Да, конечно, знал. Она это и не скрывала.

– Вы видели ее коллекцию?

– Она мне ее показывала. Я видел ее ожерелья, броши, кольцо, браслеты, перстни...

– Она говорила, у кого она покупает те или иные вещи?

– Да, историю приобретения некоторых предметов я знаю.

– У нее был какой-то постоянный поставщик? Какой-то торговец драгоценными камнями?

– Нет, как я понимаю, какого-то одного поставщика не было. Летта приобретала вещи у самых разных людей. Понимаете, она ведь покупала не просто драгоценности, а старинные, редкие вещи. А они в комиссионных магазинах на прилавках не лежат. Чаще всего она приобретала вещи у молодых наследников, которым эти драгоценности достались от их родителей или даже дедушек и бабушек.

– Вы знаете, у кого она сделала последнюю покупку – бриллиантовое ожерелье?

– Да, я видел это ожерелье два дня назад – она надела его на спектакль. И рассказала, что купила его у какого-то, как она выразилась, «милого старичка», живущего в Сокольниках.

– Вы знали о существовании тайника с сокровищами? Видели его?

– Да... Тайник был в подзеркальнике...

– Вы бывали в квартире у Леонидовой, проводили там время. Скажите, кого вы встречали в доме у Виолетты Игоревны?

– Чаще других – домработницу Людмилу. Старательная женщина, она была привязана к своей хозяйке, уважала ее.

– А еще?

– Еще... Я встречал этого неприятного молодого человека, племянника Летты...

– Как его зовут?

– Леонид, фамилия Сазонов.

– А почему вы называете его неприятным?

– Потому что он постоянно просил у Летты денег. Или просил замолвить за него словечко, устроить его на хорошую должность...

«И здесь тоже имеется неприятный племянник! – подумал Егоров, вспомнив рассказ капитана Храпченко о расследовании убийства дирижера. – Там был Жабкин, здесь Сазонов...»

– А какую должность хотел получить этот Сазонов? – спросил он. – Чем он занимался?

– Как я понял, в семье родителей Летты все имели какое-либо отношение к театру, – начал объяснять Шварцман. – Сестра Летты, мать этого самого Лени, была актрисой, играла в театре Вахтангова. Леня тоже мечтал об актерской карьере, однако он не унаследовал таланта

матери. И он стал работать в театре администратором... Его держат в театре благодаря Виолетте, ибо он пьет.

– А сколько лет этому Лене?

– Точно не знаю, но он, как мне кажется, уже не так молод, ему где-то около сорока.

– Значит, он просил у Леонидовой деньги. И она давала?

– Иногда давала, но чаще отказывала.

– И как реагировал племянник?

– Он начинал злиться, устраивал настоящие скандалы. Начинать ей грозить... Несколько раз мне приходилось вмешиваться, чтобы выставить этого приживалу за дверь.

– Понятно... Но, наверное, только домработницей и племянником список посетителей не ограничивался. Были и еще какие-то люди?

– Да, были люди театра, коллеги Летты. Например, я встречал режиссера Георгия Аполлоновича, встречал подругу Летты, певицу Ганскую...

– Кто-нибудь из этих людей знал о существовании тайника с сокровищами?

Преподаватель развел руками:

– Не знаю... Мы иногда встречались за столом в квартире Виолетты – были такие, знаете, дружеские застолья с участием Георгия Аполлоновича, Ганской, старого режиссера Княжевича... Мы беседовали... Но никогда эти беседы не касались темы драгоценностей, темы ее коллекции. Говорили всегда о музыке, о той или иной постановке, о трактовке ролей...

– Только о музыке... Ладно, Борис Маркович, настало время задать вам нескромный вопрос. Вы были близки с убитой?

Как видно, за время допроса преподаватель успел мысленно подготовиться к тому, что ему зададут этот неприятный вопрос. Поэтому ответил без особого промедления:

– Да, в последний год мы с Леттой были близки.

– У вас были ключи от ее квартиры?

– Да, они у меня с собой.

– Это хорошо, что вы их взяли, – сказал Егоров. – Давайте их сюда.

Он взял у преподавателя связку ключей – такую же, что он уже получил у домработницы Петровой, убрал ее в стол и сказал:

– Хорошо, тогда я задам вам вот какой вопрос. Вы хорошо знали убитую, знали ее друзей, ее образ жизни. Скажите, кто, по-вашему, мог убить Виолетту Игоревну?

Борис Шварцман надолго задумался, потом заговорил – медленно, подбирая слова:

– Чтобы убить из-за бриллиантов, надо кое-что знать об этих камнях. Знать, сколько их, где они лежат... Легче всего узнать об этом было людям театра – они чаще других бывали в квартире Летты. Людям театра – ну, и мне, разумеется. Но из этого не следует, что убийца – один из нас. Конечно, не все музыканты или любители музыки – святые люди. Нет, совсем не так. Но среди коллег Летты, которых я знал, я не вижу ни одного человека, который мог решиться на такой шаг. Домработницу Людмилу я тоже исключаю. Уж скорее я бы подумал на племянника Летты, Леню Сазонова. Вот он мог... Да, он мог. А еще я бы проверил других людей, которые бывали дома у Виолетты, на предмет их причастности к убийству Леонидовой. Им мог быть совсем незаметный человек – вроде... ну, вроде почтальона.

– Вроде почтальона? – повторил Егоров последние слова преподавателя. – Интересная версия. Я подумаю над ней. Пока у меня к вам больше вопросов нет.

Глава 6

Проводив преподавателя, Егоров открыл блокнот, перелистал его, затем достал из сейфа две папки, которые утром туда уложил, заглянул в них. А потом открыл чистую страницу блокнота и наверху написал крупными буквами: «Список подозреваемых». Он решил составить общий список людей, которые могли совершить все три преступления. Он принялся снова листать дела и блокнот, вчитываясь в каждую запись. Он работал так около часа, и вот что у него получилось:

«1. Валерий Жабкин, театральный барышник, племянник дирижера Воскресенского. Аргументы за включение в список подозреваемых: хорошо знал квартиру жертвы, имел в нее доступ; крал монеты у жертвы; нуждался в деньгах. Аргументы против: физически слабый, имеет алиби.

2. Глеб Хрусталеv, нумизмат. Обладает большой физической силой, мог сломать шею жертве. Однако имеет алиби: в момент убийства находился на соревнованиях.

3. Семен Маркуша, книжный маклер. Отлично знал коллекцию убитого артиста Бориса Соколова, был в квартире своим человеком. Алиби, кажется, не имеет. Обладает ли большой силой, неизвестно.

4. Леонид Сазонов, племянник Леонидовой, человек при театре, пьяница. Мог знать о существовании драгоценностей. Постоянно нуждался в деньгах, устраивал скандалы, если ему деньги не давали.

5. Борис Шварцман, математик, меломан. Самый близкий человек для Леонидовой. Знал, где находится тайник, как его открыть. Знал, сколько в тайнике драгоценностей. Умен, расчетлив. Смерть Леонидовой воспринял как личное горе, но не было ли это горе показным?

6. Георгий Поздняков, режиссер, коллега убитой. Часто бывал у нее дома, знал о коллекции, мог знать о тайнике.

7. Людмила Петрова, домработница Леонидовой. Отлично знала квартиру убитой, видимо, знала о коллекции, могла знать о тайнике. Имела ключи от дверей. Знала распорядок дня певицы, знала, когда она будет одна в квартире. Не обладает достаточной силой, чтобы сломать ей шею».

У Егорова было желание продолжить список, внести в него еще два-три имени коллег Леонидовой по театру, но он не стал это делать. Так можно внести в список подозреваемых всех людей, которые знали троих убитых. Но это не приблизит его к раскрытию преступлений, а, напротив, отдалит – внимание будет распылено, время будет уходить на проверку людей, совершенно не причастных к преступлениям. Нет, надо остановиться и поразмыслить над уже имеющимся перечнем.

Капитан так и сделал. Он прочитал свой список и стал размышлять.

«Ни один из людей, внесенных в мой список, не мог быть убийцей всех троих. А теперь, с учетом убитого вчера ночью меломана Петра Измайлова, и четверых. Люди, знавшие Воскресенского, никак не связаны с кругом общения Соколова и Леонидовой, и наоборот. Но кто-то из этих людей наверняка знает убийцу! Да, такой вывод можно сделать. Надо допросить всех подозреваемых, и в ходе этих допросов появится имя человека, которого я ищу. Он не будет человеком театра, как Сазонов, или нумизматом, как Хрусталеv, или книжником, как Маркуша. Но этот человек, убийца, вращается во всех этих кругах. Он не слишком заметен, на него не обращают внимания... Как это сказал Шварцман: «незаметен, как почтальон»? Да, пожалуй. Вот этого «почтальона» мне и надо искать. А начну я... начну, пожалуй, с домработницы Петровой. А потом возьмусь за племянника погибшей, Леонида Сазонова. Надо будет его сегодня же вызвать на допрос. Интересно, есть у него дома телефон? У театрального администратора должен быть».

Егоров порылся в телефонной книге и действительно обнаружил там телефон некоего Леонида Сазонова. Он снял трубку и позвонил. Ждать ответа пришлось долго, наконец трубку сняли, и сиплый голос нетрезвого человека произнес:

– Ну, чего еще? Не могу я сегодня на работу выйти, я же сказал. Горе у меня. Как вы не понимаете?

– Слушайте меня внимательно, Сазонов, – строго произнес капитан. – С вами говорят из уголовного розыска. Я официально вызываю вас сегодня на допрос в связи с убийством вашей тети Виолетты Леонидовы. Вы должны явиться сегодня в тринадцать ноль-ноль на Петровку, 38, в 317-й кабинет, к капитану Егорову. Считайте, что я вам вручил повестку с вызовом. Если не явитесь, мы вас доставим с нарядом милиции.

И, не дожидаясь ответа, он повесил трубку. Он не сомневался, что Сазонов явится к назначенному сроку. Будет проклинять милицию, проклинять все на свете, но явится. А это и требовалось.

После этого капитан нашел в деле данные домработницы Петровой. Телефона у нее не было, так что вызвать ее на допрос, позвонив, было нельзя. Однако она жила не так далеко от Петровки. Егоров снова убрал дела в сейф, взял свой блокнот и отправился искать квартиру Людмилы Петровой.

...Домработница жила в двенадцатизэтажном доме на последнем, двенадцатом этаже. Лифт еле тащился, и Егоров подумал, что он бы, наверно, быстрее поднялся пешком. Но вот наконец он оказался перед дверью, обитой обычной клеенкой. За дверью слышались детские голоса и топот ног. «По крайней мере, ясно, что хозяйка дома», – подумал капитан, нажимая кнопку звонка. За дверью сразу же дружно завопили:

– Мама, звонят! Наверное, это тетя Галя!

– Нет, это у папы работы нет, и он вернулся!

Затем послышались шаги, и дверь открылась. На пороге стояла невысокая худенькая женщина лет сорока. Капитан уже видел ее вчера, в квартире убитой певицы, но видел мельком, он тогда думал о другом. Сейчас, глядя на Людмилу Петрову, он подумал, что она, с ее сложением, ну никак не могла бы свернуть шею своей хозяйке. А еще: если бы Людмила Петрова меньше была бы замотана по хозяйству и больше следила за своей внешностью, она бы выглядела очень даже ничего. «В молодости она, наверное, была очень красива», – подумалось капитану.

– Я капитан Егоров из МУРа, – сказал он. – Мы с вами вчера виделись, помните? Я буду вести дело об убийстве Виолетты Игоревны. И мне нужно задать вам несколько вопросов.

– Да, я понимаю, – кивнула Людмила. – Пойдемте на кухню, а то в комнате дети кавардак устроили.

Егоров вошел в чистенькую, ухоженную прихожую. Из дверей комнаты на него поглядывали мальчик лет пяти и девочка чуть постарше.

– Этот дядя – из милиции, – объяснила им Людмила. – У нас с ним важный разговор, говорить будем на кухне. Нам не мешать, ясно?

После чего повела гостя на кухню. Здесь было еще чище, все просто сияло. «Как видно, Людмила хорошая домработница, поскольку от природы чистоплотная, – подумалось капитану. – Такой легко поддерживать порядок не только в своей квартире, но и в чужих».

Они сели за стол, покрытый яркой клеенкой, Егоров достал блокнот и задал первый вопрос:

– Давно вы работали у Леонидовой?

– Давно, – ответила Людмила. – Летом семь лет исполнилось.

– Вы знали, что она собирает драгоценности?

– Знала, конечно. Сколько раз видела, как она их перед зеркалом примеряет. То одну вещь наденет, то другую. Она ведь никогда из дома не выходила, чтобы ничего из той шкатулки не надеть. Или ожерелье, или колье, или хотя бы брошь какую, но обязательно наденет.

- Стало быть, вы знали, где Леонидова хранит драгоценности? Знали о шкатулке?
- Да, и это я знала. Она от меня ничего не таила.
- Значит, вы знали, как открывается тайник?
- Нет, вот этот секрет я не знала. Догадывалась, что там надо на что-то нажать. Но я сама никогда доставать шкатулку не пыталась.
- Но знали, что тайник в подзеркальнике?
- Да, знала, видела, как она оттуда достает эту шкатулочку, выносит в зал, все оттуда вынимает. А потом, когда выберет, что нужно, опять прячет.
- А от других Леонидова оберегала свой секрет?
- Смотря от кого. От профессора она не таилась. А другим, конечно, не показывала.
- А кого вы называете профессором?
- Бориса Марковича, конечно, кого же еще. Он для Виолетты Игоревны был самым близким человеком, и от него тайн не было.
- А в целом, как вы считаете, Леонидова была скорее человеком скрытным или, наоборот, доверчивым?
- Я бы сказала, ни то ни другое. Я еще удивлялась ей, когда узнала про ее тайну. Я же не сразу о драгоценностях узнала, где-то на второй год службы. Первый год она от меня таилась, а потом, когда узнала получше, перестала. Я до этого думала, что те, кто собирает сокровища, они все ужасно жадные, неприятные люди. А Виолетта Игоревна такой не была, нет.
- Кто, кроме вас и Шварцмана, знал, где находится тайник?
- Кто знал... Да, пожалуй, никто. Люди, которые из театра к ней приходили – Георгий Аполлонович, Лида Ганская, – они не знали. А другие – тем более.
- Хозяйка при вас вела телефонные разговоры? Скажем, о покупке драгоценностей?
- Да, несколько раз я такие разговоры слышала.
- А она не упоминала имен людей, с которыми разговаривала?
- Наверное, упоминала... Дайте вспомнить...
- Людмила Петрова задумалась. Потом тряхнула головой и сказала:
- Знаете, в последний месяц она несколько раз упоминала какого-то Петра Петровича. Да, точно! Она у этого Петра Петровича очень хотела купить ожерелье. И, кажется, купила.
- А раньше, до Петра Петровича, она называла какие-то имена?
- На этот раз женщина задумалась надолго. Потом неуверенно произнесла:
- Кажется, весной она вела переговоры с одним человеком. Я слышала имя Александр. Да, Александр Юрьевич. И, кажется, этот Александр Юрьевич имел отношение к книжному миру. Может быть, он какой-то писатель или просто собиратель книг.
- Фамилии этого Александра Юрьевича вы не знаете?
- Нет, фамилию Виолетта Игоревна никогда не называла.
- А что она хотела у этого Александра купить?
- Кажется, серьги. Да, точно, речь шла о бриллиантовых серьгах, очень старинных и дорогих.
- Кто еще бывал в доме Леонидовой, кроме вас и ее близких друзей? Постарайтесь вспомнить всех, даже случайных людей.
- Всех, кто бывал? Ну, почтальоны приходили... Ей после каждой премьеры присылали телеграммы... поздравляли...
- А почтальон мужчина или женщина?
- Женщина какая-то. Я ей обычно открывала. Но как ее зовут, я не знаю.
- Понятно. А еще кто приходил?
- Весной слесаря вызывали, кран на кухне чинить... Еще врачи приходили...
- Какие врачи? Леонидова болела?

– Нет, к счастью, она не то что болела, но, понимаете, с возрастом человек чувствует себя хуже... Начинает больше заботиться о своем здоровье. И Виолетта Игоревна договорилась с одним врачом из какой-то известной больницы – чуть ли не из Склифосовского, – чтобы он регулярно приходил и ее осматривал. И тот раз в месяц приходил. А еще он велел, чтобы каждую неделю приходила медсестра, измеряла давление и делала какие-то уколы.

– А как звали врача?

– Врача, врача... Подождите... Сейчас... Да, вот, вспомнила! Его звали Святослав Игоревич! Но из какой он больницы, хоть убейте меня, не знаю.

– А кто он по специальности – хирург, терапевт, кардиолог или еще кто-то?

– И этого не знаю.

– А медсестру как звать?

– Лена... Да, и еще этот Святослав Игоревич рекомендовал Виолетте Игоревне сеансы массажа. И она искала массажиста...

– Так она нашла массажиста или нет?

– Кажется, нашла.

– А на массаж она куда-то ездила или массажист к ней в квартиру приходил?

– Вот этого я не знаю. Виолетта Игоревна мне об этом не говорила, и я никакого массажиста у нас никогда не видела.

– Так, а еще кто был, кроме врача и медсестры?

– Нет, больше никого не было. Вот тут у нас часто всякие прощелыги звонят, деньги просят. Так что я детям велю никому дверь не открывать, а когда меня нет дома, то и не отвечать на звонки. А в доме, где Виолетта Игоревна жила, такого нет. Там на двери подъезда специальный замок стоит, называется кодовый. Да что я вам рассказываю – вы сами там были, сами знаете.

– Да, о замке в подъезде я знаю... А скажите, Люда, что вы думаете о племяннике Леонидовой Лене Сазонове? Ведь вы его знали, верно?

Женщина с сожалением покачала головой:

– Да, знала, конечно, как не знать! Даже странно, что вы о нем раньше не заговорили. Вот кто у нас в доме часто бывал, так это он. Каждый месяц являлся, а иногда и чаще.

– А с какой целью он приходил?

– Да уж известно, какая у него цель! У таких людей цель всегда одна – денег получить, да побольше. Какие он скандалы Виолетте Игоревне закатывал! Она даже несколько раз собиралась милицию вызвать, чтобы его утихомирить. Но до этого не доходило – он сам уходил.

– А Леонидова давала племяннику деньги?

– Да, давала. Вот я бы ни за что не стала давать! Ведь это все равно как пьянице водку дать. Но Виолетта Игоревна его жалела. Я даже думаю, он ей был близок, почти как сын. Детей-то у нее самой не было...

– Как вы думаете, мог Сазонов убить свою тетку?

Людмила не сразу смогла ответить на этот вопрос. У нее на глазах выступили слезы, она молча, ничего не говоря, качала головой. Наконец выговорила:

– Хотелось бы сказать: «Нет, не мог!» Но не скажу. Мне самой эта мысль сразу пришла, как только я Виолетту Игоревну вчера нашла мертвую. Я сразу подумала: «Это он, Ленка!» Да, он мог убить. Вообще-то он добрый, чувствительный, музыку очень хорошо понимает и человека понять может. Но если разозлится, в раж войдет – тогда держись. Он в руках себя не умеет держать. Вот так, от злости – мог убить.

– А он знал, где находится тайник?

– Не знаю... Вряд ли... Не думаю, чтобы Виолетта Игоревна ему о тайнике говорила. А сам он никогда бы не догадался. Он, знаете, не из сметливых.

– Значит, кроме Сазонова, вам никто на ум больше не приходит? Других кандидатов в убийцы у вас нет?

- Нет, про других я не знаю.
- А скажите, Люда, вы никогда не слышали о таких людях: Валерий Жабкин, Сергей Хрусталеv и Семен Маркуша?
- Хрусталеv, Маркуша... Нет, я таких не помню. А кто это?
- Неважно. Виолетта Игоревна никогда не упоминала этих имен?
- Нет, не помню такого...
- Скажите, а когда в квартире звонил телефон, кто первый снимал трубку – вы или Леонидова?
- Кто ближе был, тот и снимал. Вообще Виолетта Игоревна предпочитала сама трубку снимать.
- Скажите мне еще одну вещь. Вы ведь не только у Леонидовой убирались, в ваших услугах, наверное, и другие люди нуждались?
- Да. Генерал Морозов, у него жена Ирина Юрьевна. И Солодников Игорь Трофимович, редактор журнала. У них я тоже убираюсь.
- Значит, без работы вы не останетесь... А там, у других хозяев, вы кому-нибудь рассказывали о коллекции Леонидовой?
- Нет, что вы! Я не сплетница какая-нибудь. Да, я знаю, есть такие домработницы, они не столько пыль стирают, сколько языком чешут. Но я никогда никому не рассказываю, что вижу или слышу в других домах.
- Что ж, спасибо за подробные ответы, – сказал капитан, поднимаясь.

Глава 7

Как назло, транспорт в этот день ходил медленно. И когда Егоров поднялся на третий этаж и подошел к своему кабинету, он увидел человека, подпиравшего стену прямо напротив двери. Конечно же, это был племянник убитой певицы Леонид Сазонов, и, конечно, он был зол на то, что его заставляют ждать. Увидев, что капитан открывает дверь кабинета (Полозкова, напарника Егорова, все еще не было), ожидающий оживился и развязно спросил:

– Скажите, а капитан Егоров когда-нибудь придет? Он меня на час дня вызвал, а время уже половина второго. Долго мне еще ждать?

Наработанный опыт подсказывал Егорову, что в таких случаях, перед такими людьми ни в коем случае нельзя оправдываться. Надо держать себя как можно строже и говорить сухо.

– Ждать больше не надо, Сазонов, – сказал он самым жестким тоном, на какой был способен. – Сейчас я вас приму.

Он вошел в кабинет, снял плащ, разложил на столе блокнот, ручку, после чего приоткрыл дверь и негромко сказал:

– Можете входить. Вот сюда садитесь.

После чего сел сам и начал формальную часть допроса: имя, фамилия, адрес и прочие исходные данные. Сазонов отвечал надменно, через губу. Кажется, он считал, что у милиции против него ничего нет и что этим формальным опросом все и ограничится. Надо было показать ему, что он ошибается. Поэтому, задав последний вопрос из обязательного перечня, Егоров чуть наклонился к собеседнику, взглянул ему прямо в глаза и спросил:

– Скажите, Сазонов, вы убили вашу тетю только с целью ограбления или вы еще и хотели ей отомстить?

Надо сказать, этот вопрос произвел большое впечатление на свидетеля. Он онемел, вытаращился на капитана, даже рот открыл от удивления.

– Что значит «вы убили»? – воскликнул он, когда обрел дар речи. – Что значит «почему убил»? Кто вам такое сказал? Я никого не убивал!

– А вот у нас другие данные, Сазонов, – заметил капитан. – У нас имеются показания домработницы Петровой, согласно которым за день до убийства вы явились в квартиру вашей тети и требовали у нее денег. А когда их вам не дали, устроили жуткий скандал и угрожали убийством. Одних этих показаний мне хватит, чтобы отправить вас в Лефортово! А ведь у нас есть свидетельства и других людей, которые видели, как вы себя вели с вашей тетей. Вы угрожали ей убийством, а затем привели вашу угрозу в исполнение...

– Кто это на меня клепает?! – закричал Сазонов. В возбуждении он даже вскочил со стула. – Кто этот гад? Небось этот приживала Борис Маркович? Импотент несчастный! Он сам прилип к Виолетте, хотел попользоваться!..

– А чем попользоваться, Сазонов? – спросил Егоров.

– Как это «чем»? Бриллиантами, конечно! Небось надеялся, что ему что-то перепадет!

– Значит, вы знали о существовании коллекции, – сделал вывод капитан. – Так и запишем в протоколе: «Да, я знал, что моя тетя имела собрание редких драгоценностей». Ведь вы знали, верно?

– Я этого не говорил! – пытался отпереться племянник, однако Егоров был неумолим.

– Как же так «не говорили»? – вкрадчиво спросил он. – Кто только что произнес слово «бриллианты»? Кажется, этого человека звали Леонид Сазонов? Вы знали, что ваша тетя их собирает, знали, где они лежат...

– Не знал, где лежат! – вновь закричал подследственный. – Никогда не видел, как она их достает!

– Откуда достает, Сазонов? – тихо, даже участливо спросил Егоров. – Ведь вы про тайник говорите, верно?

– Не знаю я, где тайник! – верещал племянник. – И ничего не знаю! Вы не имеете права!..

– Право я как раз имею, – твердо сказал капитан. – Не только право, но и обязанность находить убийц и грабителей. Положение у вас аховое, мы в любую минуту можем предъявить вам обвинение. Понимаете это? А раз понимаете, давайте не будем строить из себя святую невинность, а будем честно отвечать на задаваемые вопросы. Готовы отвечать?

– Д-да, я готов, – пробормотал Сазонов.

Вот это капитану и требовалось. Он, в общем-то, не думал, что Леонид Сазонов был способен убить свою тетю. Едва увидев согнутую фигуру этого человека, подпиравшего стену в коридоре, он усомнился, что этот задохлик способен свернуть шею человеку – пусть даже слабой женщине. Нет, Егоров всерьез не рассматривал Сазонова как подозреваемого в убийстве. Но ему требовалось сбить со свидетеля спесь и заставить его с готовностью отвечать на вопросы. И он этого добился.

– Так, теперь говорите: сколько раз за последний месяц вы были у вашей тети? – спросил капитан.

– За месяц? То есть начиная с сентября? Два раза.

– А если хорошенько вспомнить?

– Два... нет, три.

– Хорошо, допустим, три раза. Сколько всего денег вы от нее получили?

– Но это вовсе не относится к делу! – попробовал протестовать свидетель. – Это мое личное...

– Здесь я решаю, что относится к делу, а что не относится! – твердо сказал Егоров. – Повторяю вопрос: сколько всего вы получили с вашей тети?

– Ну, пятьсот... вернее, шестьсот пятьдесят...

– А просили сколько?

– Ну, просил я, конечно, больше... Тысячу просил.

– А когда Леонидова отказала вам в такой большой сумме, она не говорила, что ей сейчас требуются деньги, намечается большая покупка?

– Да, верно, верно, она так и сказала! – оживился Сазонов. – Сказала, что предстоит крупная покупка, а кроме того, ей нужны деньги на оплату врача и массажиста.

– Разве она ходила на массаж?

– Этого я не знаю. Но она говорила про массажиста, это точно.

– За эти три раза, когда вы были у тети, кого вы видели у нее в квартире?

– Кого видел? Ну, гадюку эту, Людмилу, домработницу... Еще этого хлыща, профессора... А больше вроде никого... Хотя погодите! Что я говорю? Я еще врача видел, этого самого доктора Святослава Игоревича. Он приходил тетку осматривать.

– Как его фамилия, знаете?

– Нет, фамилию не знаю. Но я краем уха слышал их разговор с Виолеттой, и он сказал, что ему пора на работу, в свою клинику онкологии имени Семашко. Вот где он работает.

– Значит, Леонидова страдала онкологическим заболеванием?

– Этого я не знаю, она не любила говорить о своих болезнях.

– Больше вы никого в квартире не видели?

– Нет, больше никого.

– А в разговорах по телефону Леонидова упоминала какие-то имена?

– Ну, она при мне редко какие-то разговоры вела. То есть сама в моем присутствии никому не звонила, а если ей звонили, просила перезвонить позже. Так что имен я не слышал.

– Какие вещи были у нее в коллекции, помните?

– Там много чего было. Но я все вещи вместе никогда не видел, видел только те, которые она примеривала!

– Я понял, понял. Вот вам листок бумаги, вот ручка. Вспомните все вещи, которые Леонидова при вас примеряла. И все их запишите. Пишите так: «№ 1. Ожерелье. № 2. Серьги бриллиантовые...» Ну, и так далее. Вот, садитесь и пишите.

Леонид Сазонов принялся писать, а Егоров в это время оформил протокол его допроса. И подумал, что ему придется еще раз встретиться с математиком Шварцманом и также попросить его составить такой список. И домработницу Петрову заставить это сделать. Таким путем, сличая различные списки, он сможет получить почти полную опись пропавшей коллекции. Другого способа это сделать, видимо, не существовало.

Несколько минут спустя работа была закончена. Сазонов протянул капитану листок, на котором значилось двенадцать предметов. Егоров просмотрел список, спросил для очистки совести:

– Больше ничего не видели?

– Нет, клянусь, больше ничего не видел! – заверил Леонид.

– Ладно, Сазонов, – сказал капитан, пряча листок со списком в блокнот. – Сейчас вы можете идти. Я не буду брать с вас подписку о невыезде за пределы города Москвы, но не рекомендую покидать город. Вы можете нам еще понадобиться. Вы меня поняли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.